

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ
Совет молодых ученых ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов I (XV)
Международной конференции молодых ученых
(3–5 апреля 2014 г.)

Выпуск 15

Том 2: Литературоведение

Томск 2014

12. Ницше, Ф. Происхождение трагедии из духа музыки // Избр. произведения: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 341.
13. Зайцев Б. К. Указ. соч. С. 168.
14. Там же. С. 168.
15. Мифология. Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 341.
16. Зайцев Б. К. Указ. соч. С. 172.
17. Там же. С. 146.
18. Там же. С. 149.
19. Мифология. Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 292.
20. Там же. С. 398.
21. Там же. С. 402.
22. Зайцев Б. К. Указ. соч. С. 151.
23. Там же. С. 133.
24. Там же. С. 197.
25. Там же. С. 213.
26. Хатямова, М. А. Философия радости жизни в прозе Б. К. Зайцева // Русская литература в XX в.: имена, проблемы, культурный диалог. Томск, 2003. Вып. 5. С. 85.
27. Зайцев Б. К. Указ. соч. С. 288.
28. Удодов Б. Т. Пушкин: художественная антропология. М., 2000. С. 206.

Г. Р. ВЫРВА

Семантика финальной ситуации в романе А. Иличевского «Матисс»

В статье выявляется особое значение финала романа Иличевского. Обычно в финале произведений происходит закрепление их смысла, завершение фабулы и семантического поля сюжета. У Иличевского же финал рождает новые смыслы, которые можно по-разному интерпретировать.

Ключевые слова: роман А. Иличевского «Матисс», бродяжничество героев, самоопределение героев, семантика пространства в финале романа, его сюжетная семантика.

Роман «Матисс» (2006) А. Иличевского воспроизводит социальную действительность России 1990-х гг. Судьбы трёх персонажей, представляющих разные социальные слои населения (интеллигенцию, рабочий народ, маргиналов), соединяются в единой ситуации: уход из социума в бродяжничество. Бродяжничество рассматривается не только в семантике пространственного перемещения (путешествия), а как социальное поведение: 1) отделение от общества; 2) поиск существования в надсоциальном мире.

Разные формы бродяжничества проявляются в «историях» персонажей, в каждой можно выделить общие ситуации, фиксирующие смену положения персонажа:

1. Уход от общества (предыстория).
2. Одинокое бродяжничество.
3. Соединение с другими и бродяжничество в границах мегаполиса (Москвы и Подмосковья).

4. Направленное бродяжничество (путешествие-паломничество) на юг.
5. Остановка.

В этих ситуациях показаны разные способы существования в мире: бродяжничество даёт некую свободу от мотиваций, и сюжет раскрывает, как люди распоряжаются этой свободой; кроме поведенческого сопоставления Иличевский сталкивает разные способы познания мира, делая бродяжничество метафорой познания бытия. Во-первых, это массовый, урбанизированный, приспособляющийся к любым условиям существования человек (Вадя); во-вторых, это естественный человек, насильственно окультуренный и отбрасывающий культурную оболочку тотчас за ослаблением социального давления (олигофрен Надя); в-третьих, интеллеktуал, индивидуально и творчески мыслящая личность, не востребованная социумом времени распада и наживы (Королёв).

В романе «Матисс» на первый план выходит не социальная проблема причин десоциализации индивидов (нового номадизма), не исследование способов адаптации разных социальных слоёв к социуму, утратившему общие ценностные ориентиры, и даже не психологический процесс распада индивида. На первый план романа выдвигается философская доминанта, а сюжет бродяжничества становится метафорой процесса познания мира в ситуации, когда социальная культура (образование и стереотипы) проверяется на значимость, когда возникает (или не возникает) внутренний императив к познанию бытия. В связи с этим Иличевский ставит вопрос, что более значимо для естественной самоориентации человека: интеллект и научные знания; жизненный опыт и социальная культура, простая сенсорность.

Финал любого художественного произведения завершает не только фабулу, но и семантическое поле сюжета, даёт аксиологический смысл рассказанной истории: обретение смысла, его утрату или незавершённость процесса познания. В романе Иличевского финал имеет особое значение, поскольку сюжет бродяжничества заканчивается не закреплением, но остановкой трёх персонажей в новом и неорганичном пространстве. Пространственная статика персонажей может означать как обретение цели, нового центра, так и попадание в чужое, неистинное пространство, так и временную остановку в бродяжничестве, в кочевье.

В анализе финала романа мы выделяем два аспекта: семантика самого пространства остановки, его наполненность, ориентированность, и сюжетная семантика — завершение или прерывание основных коллизий, связанных с главными персонажами романа.

Роман о бродяжничестве в Москве, Подмоскowie, в цивилизованном пространстве железной дороги заканчивается остановкой в сельской местности. Мотивация связана с намерением отправиться

в Иерусаим, к пространству, где доступны какие-то тайные смыслы, где Королёв увидел впервые шаровую молнию — знак метафизического пространства. Этой идее последовали и его спутники, хотя у их не было высшей цели. Фабульной мотивировкой в романе становится необходимость перезимовать в тёплом месте на юге России.

Местность, избранная для остановки, несёт те же следы разрушения прежде организованного уклада жизни, что и многие места на пути бродяг: «Километров в семи Королёв нашёл деревню. За ней располагался монастырь». Но ни деревни, ни монастыря нет, есть полуразрушенные остатки монастыря, в зданиях которого размещается психиатрическая лечебница, а на месте деревни — дачные участки.

Название своё, в романе не указываемое, некогда богатая обитель вела от прозвища разбойника, который стал затворником. Указание причин основания монастыря важно, так как бродяжничество близко странничеству, но в определённой степени и отшельничеству. Все они проявления ухода от мирской суеты либо в неограниченное пространство, либо в локальное пространство. Затворничество бывшего разбойника является обретением сакрального места, поэтому именно здесь его последователями возводится монастырь, место одинокого обращения к высшему миру.

«Храм в русской культуре существует сам по себе — он основа космоса вообще, потому чаще связывается с природой, чем с городом <...>. Храм является основой мироздания, заменяет образ мирового древа...»¹. Зброшенность и разрушение храма свидетельствует о падении культурно-исторической эпохи, устойчивых представлениях о бытии. В романе «Матисс» это не только распад Советского Союза, но это и распад рационалистической культуры, наступление культуры тотального релятивизма. Человек вынужден искать самоидентичность не только в новом государстве, но и в целом мире, переставшим быть космосом.

В романе храм пытается возродить одинокий священник, отец Даниил, который автором делается двойником-антиподом Королёва: образованный, как и Королёв, он ищет вертикаль в малой точке своего существования, в то время как Королёв захвачен бесконечностью горизонтального бытия. Соратником Даниила является доктор Давыдов, главный врач лечебницы, брошенной властями. Доктор ищет не божественный смысл, а спасает больных в конкретных границах земного мира. Иличевский обнаруживает внешний абсурд сопротивления распаду: «Однажды привез гардероб разорившегося цирка-шапито. Благодаря чему некоторые больные носили синюю с лампасами цирковую униформу, или клоунские балахоны, или гимнастические пижамы, усеянные люреком»². Но цирк поневоле не становится карнавалом, напротив, карнавальные реквизиты становятся проявлением ценност-

ного самоопределения в перевёрнутом мире, новой виртуальной реальностью, в которую превратился гуманизм: киношники снимали фильм о концентрационном лагере, декорации оставили, поэтому лечебница оказалась спасением за колючей проволокой (перевёрнутым лагерем насилия): «Картину завершала полоса отчуждения, увитая с двух сторон колючей проволокой, две смотровые вышки, карликовых размеров, дощатый забор под ними, зачем-то выкрашенный в голубой цвет»³. Спасение и надежда даются в романе как вынужденная игра: доктор «сумел устроить жизнь так, что каждый, если еще мог, ощущал свою нужность для остальных»⁴. К игре в нужность подлаживались и санитары, находя в игре спасение от скуки.

И заброшенная лечебница, где никто никого не сможет вылечить, и восстановление монастыря без подвижников и помощников (помощники — больные психушки) не восстанавливают космос, хотя и противостоят разрушению. Умалитённые у Иличевского лишены юродства, не хранят некое тайное знание, дающее надежду о возвращении к чистому природному сознанию, в котором может возродиться вера и человек. Вот образ больного разума: Королёв видит во дворе лечебницы больного, который пристально смотрел на своё отражение в стекле окна: «Совершенное любопытство в его распахнутых синих глазах было неземного происхождения <...>. Существо смотрело открыто и неотрывно, с вдумчивым любопытством; очевидно болезнь давала ему возможность каждую минуту смотреть на мир как на новую вещь»⁵. Королёв называет человека существом, пугается его «пронзительного» вида, опасаясь родства с больным самого себя, разум которого разлагается подсознанием.

Надя входит в пространство больницы, где вновь, как и в детстве с матерью, она исполняет функции, навязываемые ей извне. Ей стало легче, она «стала похожа на саженец, невидимо борющийся под землёй, чтобы развить корни — связи с почвой человеческой реальности»⁶. Сюжет Нади более других персонажей свидетельствует о воскрешении элементов самосознания в естественном человеке. В этом состоянии её влечение к Королёву напоминает рождение чувства любви. Но Иличевский не показывает рождение личности в естественном человеке: вернув Наде её спутника Вадю, Королёв успокоил её смутное томление к чему-то иному.

Сюжет Вади, тоже не свидетельствует о самоопределении массового человека в новом пространстве. Самосознание вылилось в имитацию культурных штампов, игру на публику (чтение стихов, исполнение песен). Вадин бунт против привязанности Нади к Королёву разрушает сюжет восстановления малых семейных связей: Вадя отправился в Москву, затем с помощью Королёва вернулся, но не обновлённым, а прежним.

Возможность возрождение хранилась лишь в заброшенном саду при монастыре: «он так разросся, что четыре из восьми монастырских

ворот нельзя было открыть без того, чтобы не выкорчевать десяток старых тридцатилетних деревьев»⁷. Но обитатели разрушенного монастыря ищут не природного вечного возвращения, а закрепления своего мира, выживания в природных метаморфозах.

Главные герои романа — бродяги — не становятся ни подвижниками, сопротивляющимися болезни и неверию, ни новыми руссоистами, спасающимися в природе (в земном саду). Сад в романе вытесняется дачными участками, куда страивается Королёв, отказываясь от «цирка» восстановления храма и излечения. Ему предложили подсобные работы, определили место проживания в избе при котельной. «Стремительно покосившиеся бревна составляли графический рисунок, который удивительно передавал неудержимое разрушение жилища, как-то по винту, под землю. Но если обернуться в угол, то напротив — изба устремлялась как будто бы вверх...»⁸. Форма избы передаёт ввинчивание всех форм под землю, как и сам Королёв ранее погружался в метро. Но с другого ракурса дом стремился вверх, как и Король жаждал познания неба. Двухнаправленность избы представляет универсальное стремление всего живого, одновременно стать организмом природы и подняться над землёй, стать духом, обрести высший смысл своего существования. Королёв провёл целую зиму, бродя по подземным коридорам метро, среди окаменелых лесов. Под землёй он обрёл не вечность, а понимание происхождения не только камня из лесов, но и нефти из земли (органики из неорганики).

Локусброшенной деревни становится не подобием, но антитезой восстанавливаемому храму. Деревня, превращающаяся в сад, в реальность природную, побуждает королёва созерцать не Бога, а тайну живой материи, которая вечно умирает и вечно возрождается. Иличевский даёт не локус возделывания земли (деревня). А современный культурный вариант — дача. Место одновременно и периферийное, место необязательного труда, но это приближает к свойству природной материи, метаморфозы которой не ведут ни к прогрессу, ни к полному исчезновению. В стороне от цивилизации дача вновь превращается в пространство маргинальное.

Фабульно работа сторожа оставляла Королёва созерцателем. Однако в этой ситуации он лишается автором своего интеллектуального поиска, он уподобляется Наде, естественному человеку, не пытаясь понять мир, а только сенсорно реагируя на его изменчивую красоту: сидя на крыльце дачи, он часами следил за окружающим пространством, не ощущая себя слитым с ним, не познавая его, как было в другие моменты его бродяжничества. Когда хозяева дачи прогнали Королёва, ему пришлось вернуться в монастырь, в котором ему «стало страшно пуще прежнего»⁹. Тайна бытия не обретается ни в бродяжничестве, ни в простом созерцании.

Однако финальной точкой романа становится символический эпизод: шаровая молния Иерусалима, которую Королёвпотом пытался создать в ускорителе, возникла под высоковольтными проводами во время ливня. Королёв получает не то новый знак бытия, не то распад картины мира в сознании.

Примечания

1. *Галиев С. С.* Образ храма в русской литературе рубежа XX–XXI столетий // Литература XX в.: итоги и перспективы изучения: материалы Седьмых Андреевских чтений. М., 2009. С. 363.
2. *Иlicheвский А.* Матисс // *Иlicheвский А.* Солдаты Апшеронского полка. М., 2013, С. 207.
3. Там же. С. 208.
4. Там же. С. 208.
5. Там же. С. 216.
6. Там же. С. 216.
7. Там же. С. 208.
8. Там же. С. 208.
9. Там же. С. 216.

К. М. ГОЛИКОВА

Образ Л. Н. Толстого в романе В. О. Пелевина «t»: постановка проблемы

Работа посвящена проблеме использования образа и религиозно-философского наследия Л. Н. Толстого в романе В. О. Пелевина «t», которая до сих пор не была предметом специального литературоведческого анализа. Актуальность исследования определяется вопросами о специфике актуализации классической литературы в произведениях постмодернизма.

Ключевые слова: постмодернизм, В. О. Пелевин, Л. Н. Толстой, религиозно-философская мысль.

По поводу одного из последних романов В. О. Пелевина «t» (2009) до сих пор много спорят. В связи с ним возникает вопрос о том, является ли этот роман о поисках себя лишь продуктом контракта автора с издательством, или же он претендует на роль серьезного философского произведения. Интригующей является статья Андрея Архангельского, опубликованная в журнале «Огонек», в которой говорится о сюжете романа, о его месте среди других произведений Пелевина, о своеобразии постмодернистской литературы и, наконец, о его «гуманистическом финале»: «Особенно забавно, как выясняется в конце, что все предыдущее, включая похождения графа Т., — это тоже был сон самого настоящего Льва Толстого, блестящего, всеумного. Это неожиданное крещендо примирает тебя с предсказуемой формой романа, и даже обнадеживает»¹. Роман является калейдоскопом интертекстов жизни и творчества Л. Н. Толстого. Это и биографические факты, и прямые цитаты из худо-